

СЛОВО И ЧИСЛО В КОНЦЕПЦИИ Н.С. ГУМИЛЕВА.

У человека есть свойство все приводить к единству; по большей части он приходит этим путем к Богу.

[1, т. 3, с. 159]

Исследователи творчества Н.С. Гумилева часто обращались к числу и форме в его мировоззрении, считая именно их главными в его концепции [2, 3]. Начиная еще со статьи Блока «Без божества, без вдохновенья» Гумилева считали мастером, «делателем» стихов [1, т. 3, с. 423], а его поздние произведения – скорее исключением, чем реализацией его теорий.

Начало XX века можно назвать периодом «всеобщего расплава и сдвига» [4, с. 633]. Чувствуя грядущие перемены, стоя на пороге чего-то нового, многие философы, писатели и поэты попытались обобщить, осмыслить опыт прошлого. Андрей Белый писал в 1910 году: «Новизна современного искусства лишь в подавляющем количестве всего прошлого, разом всплывшего перед нами; мы переживаем ныне в искусстве все века и все нации; прошлая жизнь проносится мимо нас» [5, с. 82].

У многих поэтов в одном произведении можно было встретить символы, почерпнутые из самых разных культурных традиций. Среди этих поэтов были и Белый, и Хлебников, и Клюев, и Мандельштам, и Гумилев [см. 6, с. 341]. Андрей Белый в своей теории символизма предусматривает такую возможность, «возможность соединения разных символов-образов и единство каждого из них – между собой связаны: содержательная сущность образа-символа обнаруживается при соположении разных стилей» [6, с. 343].

Что же касается Гумилева, то он говорил о невозможности сотворить что-либо новое и считал, что задача состоит в комбинировании всего сотворенного [см. 7, с. 181]. Используя этот прием, он, однако, отсылает нас к Теофилю Готье: «Он <Т. Готье – Е.К.> не подразделял мир на высшие и низшие касты, на враждебные друг другу течения. Он уверенной рукой отовсюду брал, что ему было надо, и все становилось чистым золотом в этой руке» [1, т. 3, с. 190]. Из этого высказывания также становится понятным, чем принципы поэтики Гумилева отличались от методов, например, Хлебникова (стихотворение «Ладомир») [см. 6, с. 341]. Гумилев считал, что недостаточно взять образ и поместить в стихотворение как в чуждую среду. Брать нужно то, что необходимо для создания определенного впечатления; перерабатывая материал так, чтобы он «становился золотом», преображался, органично вплетаясь в произведение. Иначе иное богатство может привести к тому, что «воображаешь себя в лавчонке торговца редкостями» [1, т. 3, с. 40].

На наш взгляд, нельзя этот принцип приписывать только позднему Гумилеву. Ведь его самого часто обвиняли в экзотичности, использовании редких, необычных образов, буквально пересчитывая его пантер, носорогов и попугаев [см. 8] – как будто в «лавке редкостей» из его последующих рецензий. Т.е. он все же отличал свое творчество от «любителей редкостей» в стихах и искал именно синтеза, интегральности разных стилей.

И не только стилей. Стихотворение, согласно теории Гумилева, должно удовлетворять «не только воображение, но и чувству, не только глазу, но и уху» [1, т. 3, с. 196]. Для этого поэт должен «равномерно напрягать все силы своего духа, принимать слово во всем его объеме» [1, т. 3, с. 117]. Это теория о четырех сторонах стихотворения: фонетике, стилистике, композиции и эйдолологии из «Теории интегральной поэтики» Гумилева. Кроме того, к плану этой книги была приложена схема, вероятно, та самая, о которой вспоминали современники поэта: «Он (Гумилев – Е.К.) принялся составлять сравнительные таблицы богов разных народов, и главным числом выступало число 12» [1, т. 3, с. 331]. Но в самой схеме соотносятся 12 богов римской мифологии, 4 «касты» и поэты XIX – XX веков. Снова перед нами попытка рассмотрения мира как единого целого, где все взаимосвязано. Однако, глядя на эту схему, можно предположить, что основой теории Гумилева об интегральности было число. Но вчитаемся в его строки:

И от мысли родилось слово –
Предводитель священных числ.

В слове скрытое материнство
Отыскало свои пути:
– Уничтожиться как единство
И как множество расцвести.
[Поэма начала].

Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города ...

А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

[Слово].

Он писал об этом не только в стихах, но и в прозе: «Там, внизу, уже нет жизни, есть только смутное растительное прозябание, бытие цифр» [1, т. 2, с. 253].

Блок, конспектируя выступление Гумилева, записал его слова: «Вначале было Слово, из Слова возникли мысли, слова, уже не похожие на Слово, но имеющие, однако, источником Его; и все кончится Словом – все исчезнет, останется лишь Оно» [цит. по 1, т. 3, с. 297].

Стоит также вспомнить неоконченную повесть «Веселые братья», где обсуждается вопрос о единстве и счете, где счет есть «грех великий, сатанинское разделение». «Бога из цифр вывели, так за Богом еще что-нибудь выводить начнете... Вот вы все три да три. Так, пожалуйста и три мира подавайте, земной, Божеский и еще какой...» [1, т. 2, с. 289].

Таким образом, становится понятным, что число для Гумилева не могло быть отправной точкой, а лишь средством для придания четкости, структурированности его теориям, лекциям, к которым относятся все его схемы, известные нам [см. 9]. Место числа – "низшая жизнь", основа. Стремление же к чему-то высшему, к единству, интегральности – это теория о Слове, «которое было вначале». К этому Гумилев и обращается, работая в 20-х годах над «Поэмой начала». Закончить ее он или не успел, или до нас дошли не все ее части, однако современники отмечали, что он «размахнулся наподобие Данте»: поэма должна была состоять из 18 песен, разделенных на 6 книг [см. 1, т. 3, с. 416]. Теория общности всего сущего в нашем мире ясно выражена в этой поэме:

С сотворенья мира стократы,
Умирая, менялся прах,
Этот камень рычал когда-то,
Этот плющ парил в облаках.

[Поэма начала].

Также очень интересен образ «Умирающего Дракона, Повелителя древних рас» из этой поэмы. Этот древний мифический образ у Гумилева получает неожиданное наполнение. В стихотворении «Поэт» читаем:

Как в полные блеска чешуи драконов,
Священных поэтов морей.

То есть, существо, причастное к Началу, обладающее Знанием – поэт. Далее в поэме Дракон-поэт говорит человеку-жрецу:

Разве в мире сильных не стало,
Что тебе я знанье отдам?
Я вручу его розе алой,
Водопадам и облакам.

При этом нужно отметить, что герой стихотворения «Я и Вы», т.е. сам Гумилев, пишет:

Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Стихи он читает равным себе, драконам. А стихи и есть «знанье», которое Дракон-поэт из «Поэмы начала» не хочет отдать человеку.

Но поэзия для Гумилева хотя и знанье, но отнюдь не средство познания мира, как, например, у Брюсова [10, с. 557], а, скорее, религия. Или, по крайней мере, сторона той же монеты [см. 1, т. 3, с. 20]. Что такое религия? Связь. Связь с Богом, но – как считал Гумилев – коллективная. А поэзия – средство для личного, индивидуального контакта через преображение души каждого [см. 1, т. 3, с. 20].

Иными словами, в мире, где каждый должен пройти через ряд преобразований, Поэты как бы направляют, преображают людские души на пути от низшей, разделенной жизни – числа – к общности, к Слову – к Богу.

Цитированная литература

1. Гумилев Н.С. Сочинения: В 3-х т. – М., 1991.
2. Шелковников А.Ю. Критика в художественной системе Н. Гумилева. – Барнаул, 1999.
3. Муסיнова Н.Е. Проблема художественной формы в аспекте целостности: творчество Н.С. Гумилёва. – Кострома, 2002
4. Иванов Вяч. Вс. Собрание сочинений. – Брюссель, 1971. – Т. 1.
5. Белый А. Символизм как миропонимание – М., 1994.
6. Иванов Вяч. Вс. О воздействии "эстетического эксперимента" Андрея Белого // Андрей Белый: Проблемы творчества. – М., 1988.
7. Жизнь Николая Гумилева в воспоминаниях современников. – М., 1991.
8. Войтоловский Л.Н. Парнасские трофеи // <http://www.gumilev.ru/main.phtml?aid=5000881>
9. Зобнин Ю.В. Николай Гумилев – учитель поэзии (по материалам архива П.Н. Лукницкого в ИРЛИ) // <http://www.gumilev.ru/main.phtml?aid=5000855>
10. Брюсов В.Я. Синтетика поэзии // Брюсов В. Собрание сочинений: в 7-ми т. – М., 1957. – Т. 6.

Анотація

Статтю присвячено аналізу співвідношення слова та числа, натхнення та майстерності у концепції М.С. Гумільова, видатного діяча срібного віку російської культури. Аналіз заснований на його віршах і висловах, спогадах сучасників.

Annotation

The correlation between word and number, inspiration and mastery in conception of Nicolay Gumilov, prominent figure of silver age of the Russian culture is analyzed. The analysis is based on his poems and utterances, recollections of his contemporaries.